

Грайворонские орлята

Ещё вчера была надежда. Где-то на юго-западе, за Большеписаревской, слышался гул орудий, и дороги были заполнены отступавшими красноармейцами, но Митя и Петя не верили в то, что в Грайворон придут немцы. Правда, именно вчера они получили задание райкома комсомола – отогнать на ближайшую станцию колхозный скот, и это встревожило ребят.

– А что... разве?... – с волнением обратился тогда Митя Балицкий к секретарю райкома.

– Нет, угрозы пока нет, – успокаивающе ответил тот, – скот эвакуируется на всякий случай... Но мы с вами комсомольцы, – добавил он, – и должны быть готовыми ко всему...

Не договорив, он пожал ребятам руки, пожелал успеха.

Дорога на станцию показалась гораздо длиннее, чем была в действительности. Скот приходилось гнать по обочинам – по стерне, пахоте. Их обгоняли машины, танки. Запомнился весёлый бритый красноармеец.

– Далеко, мальцы, скотину движете? – обратился он к ребятам, подмигнув. – Дайте нашему батальону удобин пять. Пригодятся...

– А расписку дадите? – в тон ему, поняв шутку, ответил Петя Игнатенко.

– Дадим... Расписки нам не жалко, – смеясь, пообещал красноармеец.

Ребята разговорились с ним, спросили – далеко ли немцы.

– Сюда не дойдут! – серьезно успокоил друзей солдат. Подсознательно Митя и Петя понимали, что он сказал неправду, но эта неправда была такой, в которую хотелось верить...

Сегодня положение изменилось. Ребята отогнали скот, сдали его на станции и возвращались домой. Дорога теперь была пустынной – ни одного человека. Только один раз им встретился танк. Он мчался на полной скорости, за ним тянулся шлейф пыли. На корпусе машины осела пыль, по нему текло масло, танк казался усталым и израненным. Долгим, беспокойным взглядом проводили его ребята.

– Вот это да! – восхищенно вымолвил наконец Митя Балицкий. – Не иначе как задерживал где-то фрицев. Один дрался с ними. – И предложил: – Отдохнём?

Они присели у придорожного клена. Вокруг, куда ни глянешь, виднелись знакомые до последней балки, до самого маленького деревца места. Справа – лес. Не один раз с пионерами своих отрядов Митя и Петя ходили туда на экскурсии, устраивали весёлые игры. Кое-где проглядывало извилистое русло Ворсклы. Каждый из ребят, не говоря друг другу ни слова, думал о ней. Сколько радости, веселья, добрых тихих минут приносила она им! Она с самого раннего детства ласкала их своей прогретой солнцем водой, учила выносливости и ловкости. Ведь без этого и плавать не сумеешь, и на коньках не решишься кататься по ещё гнущемуся льду. А какой грайворонский мальчишка будет уважать себя, если он не может плавать?!

А рыбная ловля...

И вот теперь всё это как бы осталось по одну сторону черты, а по другую была тревожная неизвестность...

– Что же будем делать, Митя? – нарушил молчание Игнатенко.

– Сам думаю над этим, – отозвался тот. – Ясно только одно: нужно помогать Красной Армии.

– Правильно. А как?

– Сойдёмся у Коли Сеницына, там и решим.

Остальной путь до Грайворона они прошли за час.

Город встретил их неприветливо. Здесь уже были немцы. Многие дома казались чужими: окна были разбиты, на стенах и на заборах белели первые расклеенные врагом приказы. И в каждом из них по нескольку раз повторялись слова «смертная казнь», «расстрел».

Вечерело. Темными силуэтами возвышались над маленьким городком знакомые здания родной школы им. Энгельса, педучилища. На западе загоралась рубиново-красным пламенем вечерняя заря. Она была похожа на пламя большого пожара.

«Смерть фрицам!»

Через несколько дней Балицкий и Игнатенко пришли к Николаю Сеницыну. Он был на год моложе их, но это не мешало их дружбе. Все они увлекались техникой и особенно радиолубительством. Они даже соединили свои квартиры самодельными телефонами. У Сеницына был радиоприёмник. Но сейчас его не было видно на обычном месте.

– Отобрали? – указал взглядом Петя Игнатенко на то место, где стоял приёмник.

– Тихо! – пригрозил пальцем Николай. – Приказ строгий – сдать, но я припрятал...

Он вышел в коридор, закрыл дверь на крючок, затем полез под кровать. Выбросив оттуда несколько старых вещей, Николай извлёк хорошо знакомую ребятам рыжеватую коробку приёмника.

Петр и Дмитрий придвинулись поближе к Николаю. Тот осторожно присоединил к приёмнику батареи питания, мягко щелкнул ручкой выключателя. Что-то зашумело. Затем полилась тихая музыка. Николай начал вертеть ручку настройки. Послышалась немецкая речь. И вдруг, будто через невидимые шумовые барьеры: «Говорит Москва...»

Ребята радостно переглянулись. Несмотря на то, что в городе немцы были чуть больше недели, они успели распустить слухи, что Москва взята гитлеровцами.

А в приёмнике слышалось: «От Советского информбюро...»

Николай Сеницын уменьшил громкость, и теперь все трое склонились над самой коробкой приёмника.

Когда передача окончилась, Митя Балицкий, подбирая слова, начал медленно говорить:

– Ребята, нас трое... Мы еще недостаточно взрослые, чтобы воевать с фашистами наравне с красноармейцами. Но мы многое можем сделать.

– Конечно! – подхватил горячий, подвижной Коля Сеницын. – У меня кое-что есть. Пойдёмте покажу.

– Погоди немножко, – остановил его Митя. – Нам надо договориться вот о чём. В городе многие не знают действительного положения на фронте. Есть и такие, кто верит фрицам и их брехне о том, что Москве капут. Нам надо написать листовки о том, что Москва – наша, советская...

– Идёт! – Коля Сеницын подал руку Мите Балицкому. Тот крепко сжал её. Сверху на их руки положил свою горячую ладонь Петя Игнатенко.

– Смерть фрицам!

– А теперь я кое-что вам покажу, – сказал Коля.

Он повёл Митю и Петю во двор и, осмотревшись, открыл погреб. Когда все спустились в него, Коля включил маленький электрический фонарик. Луч света выхватил из темноты бочки, кучу картошки, кочаны капусты.

– Это и у нас есть, – попробовал пошутить Петя Игнатенко.

Вместо ответа Коля указал на одну из бочек, стоявшую в самом углу.

– Отодвигайте.

Друзья поспешно выполнили приказание товарища.

Митя Балицкий глядел в угол расширенными глазами, не говоря ни слова. Петя не выдержал.

– Вот это да! – вырвалось у него.

В углу лежали новенькие винтовки и несколько гранат-лимонок.

– Это ещё не всё, – деловито и в то же время гордо сказал Коля. – Есть ещё две винтовки и пистолет... А вот ящик с патронами... Брат, когда эвакуировался, просил передать в верные руки...

Коля рассказал ребятам, что брат его, Андрей Ильич Сеницын, начальник уголовного розыска городской милиции, вместе с другими товарищами перед отступлением готовил базу для партизан и часть оружия не смог вовремя передать народным мстителям.

– Да, – медленно проговорил Митя, – для нас троих столько оружия многовато.

– Может, удастся связаться с партизанами?.. – предложил Петя.

– Ну, а теперь – по домам, – сказал Коля. – Уже поздно, фашисты строго следят за тем, чтобы ночью никто не ходил.

– Домой мы сумеем добраться незаметно. Все-таки наш город, – ответил Митя. – А вот сегодня что-то уже надо сделать – медлить некогда.

– Давайте напишем несколько листовок, а по пути домой где-нибудь расклеим их, – предложил Игнатенко.

Предложение приняли. Коля нашел чистую тетрадь. Писали ребята о том, что слышали по радио. Писали печатными буквами, чтобы, в случае чего, нельзя было узнать авторов листовок по почерку. В конце каждой листовки вместо подписи – хлесткая, как плеть, фраза: «Смерть фрицам!»

Когда всё было закончено, Коля Сеницын проводил ребят за ворота и попросил:

– Поосторожнее, ребята. Как приедете домой позвоните.

Балицкий и Игнатенко растаяли в темноте...

Листовки в городе

Митя Балицкий осторожно шел по Грайворону, придерживаясь теневой стороны. Первый раз в жизни ему приходилось идти по родному, хорошо знакомому городку так вот, крадучись. В полуобнаженных деревьях шумел осенний ветер. Было как-то смутно на душе. Вот и здание горсовета. Оглянулся – кругом никого не видно. Осторожно подкрался к забору, туда, где было наклеено несколько немецких приказов. Вытащил листовку и прикрепил её двумя кнопками. Затем отошёл метров на двести вглубь улицы и прикрепил точно такую же листовку на телеграфном столбе.

После этого заспешил домой. Дошел благополучно. Сразу же позвонил Коле.

– Как дела? – поспешно спросил тот. – Что-то долго вас не слышно, я сильно волнуюсь.

– Всё в порядке, Коля!

– Ну, спокойной ночи, а я подожду Петиного звонка.

Первыми словами Пети Игнатенко, когда он позвонил Коле, был вопрос:

- Как Митя? Дошёл уже?
- Спит, – ответил Коля.
- Это хорошо. Я тоже ложусь спать.
- Значит, всё нормально? – переспросил Сеницын.
- Всё нормально.

На другой день Коля Сеницын проснулся рано и сразу же направился в центр города. С радостью заметил, что у заборов и столбов, на которых были расклеены листовки, толпятся люди. Читают. Но почему же немцы не сорвали листовки? Объяснялось все просто. Листовки были наклеены там, где висели различные приказы фашистской комендатуры. Немцы по-русски читать не умели, а полицейские «прохлопали» листовки. Когда они, наконец, догадались выяснить, почему у дотолы не интересовавшихся людей немецких приказов толпится народ, половина города уже знала о содержании листовок.

Когда Коля вернулся домой, этой новостью поделилась с ним мать:

– Не слышал, Коля, ничего? Там, говорят, кто-то листовки наклеил на заборах. А в них сказано, что фашисты врут, будто Москву уже захватили...

– Нет, не слышал, мама, – ответил Коля и поцеловал мать. – А насчет Москвы, так мы и так должны знать, что не видать ее немцам, как своих ушей...

С тех пор ребята часто писали по ночам короткие листовки и расклеивали их в самых неожиданных местах. Немцы разозлились не на шутку. Местной полиции было дано строгое указание выловить тех, кто пишет листовки.

Дорога в Замостье

– Работать так, как мы работали до сих пор, опасно, – сказал однажды Митя Балицкий, когда друзья собрались вместе. – Немцы и полицаи ищут нас. Нужно что-то придумать.

– Я считаю, – вмешался в разговор Петя Игнатенко, – надо временно прекратить выпуск листовок и переключиться на другое дело... В лесу, говорят, есть партизаны. Вот бы связаться с ними.

– А кто говорил про партизан?

– Слышал от одного знакомого из Замостья. Говорит, не спалось позапрошлую ночь. Слышу, часов в двенадцать ночи на улице тихий разговор. Выглянул осторожно в окно и вижу: идут люди в красноармейском обмундировании. Идут тихо-тихо и с винтовками. Даже посчитал, говорит. Всего было девятнадцать человек.

– Это же здорово! – восхищенно произнес Митя. – Но как с ними связаться?

– Дорогу на Замостье и дальше, в лес, я хорошо знаю, – сказал Петя, – но из города надо выйти незаметно для немцев.

– А что если пойти в лес по грибы или по еловые шишки? – предложил Митя.

– Правильно, – решили ребята.

...И вот они идут в лес. У каждого небольшая корзинка. Часовой на мосту не обратил на ребят внимания. Через Замостье тоже прошли благополучно.

Лес встретил ребят тишиной, запахом хвои и преющих листьев. Долго шли, никого не встречая. Только к полудню заметили, как в одном месте дорогу перешёл с топором в руках и палкой мужчина. Ребята ускорили шаг, думая, что он уйдёт. Но мужчина, видно, и сам поджидал их.

– А ну стойте, хлопчики! – потребовал он, когда ребята поравнялись с ним. – Вы зачем здесь?

Ребята замялись.

– А кто вы? – спросил Митя.

– Уж больно приткие вы, – полушутя ответил мужчина. – Я-то вас знаю. Вы же ведь грайворонские... Ты вот, если не ошибаюсь, братишка Андрея Ильича Синицына, – указал он на Колю.

Ребята опять стушевались. Потом Коля присмотрелся к незнакомцу и вспомнил, что за несколько недель перед отступлением наших войск из Грайворона он видел этого человека вместе с братом.

Коля решил говорить напрямик. Он был уверен, что это свой человек.

– Дядь, нам бы партизан найти...

– Вот как! – притворно весело воскликнул мужчина. – Уж не в отряд ли вступить думаете?

– А хоть бы и в отряд! – сказал Петя.

– Маловаты ещё, ребята. – Мужчина похлопал их по плечам. – Да и оружия у партизан, пожалуй, нет для вас.

– А у нас самих есть и винтовки и гранаты...

– Это другое дело, – согласился мужчина, – но сначала вы переправьте оружие, а потом посмотрим.

Разговор принял уже дружелюбно-доверчивую окраску. Ребята рассказали о листовках, о том, что не знают, чем заниматься дальше.

– Я не могу вас связать с командиром отряда, – заговорил человек с топором. – Партизаны расположились так, чтобы никакие немцы и полицаи не нашли их. Поэтому и вас пока вести туда не следует. Давайте договоримся так. Винтовки и гранаты вы незаметно будете приносить сюда и прятать их под листьями в пяти шагах вон от того дерева... – Он указал на большую сосну, выделявшуюся среди других деревьев. – Постарайтесь первую партию оружия принести завтрашней ночью. Идёт?

– Обязательно сделаем, как вы сказали! – пообещали ребята.

– А теперь слушайте еще одно задание: нужно перерезать телефонную линию, соединяющую Грайворон с Большеписаревкой. Справитесь?

– Постараемся...

– Только это нужно сделать тогда, когда оружие будет у нас. Нельзя вам рисковать. Ну, а теперь домой. Да не забудьте для маскировки набрать шишек в корзины...

Хорошее утро!

...Во дворе шелестели поредевшими листьями клёны. Ребята незаметно прошли в погреб. Взяли по винтовке и по две гранаты, завернули в тряпки.

– Сейчас ещё рановато идти, – заметил Митя. – Могут увидеть.

– Подождём часок, – поддержал Петя. – А вообще, трудное это дело. Через мост не пойдешь, там часовые.

– Я знаю брод, там и перейдем речку, – сказал Коля.

Когда достаточно стемнело, ребята пробрались огородами к речке. Переправились через нее без приключений, если не считать того, что сильно промокли. К месту назначения шли дольше вчерашнего: трудно было ориентироваться в темноте, да и круг дали большой.

После того как оружие было надежно спрятано, усталые, но довольные ребята вернулись домой. Пришли во двор к Коле Синицыну. На востоке алела утренняя заря, тянуло осенней свежестью. От возбуждения спать не хотелось.

– Хорошее утречко! – с потаенной радостью заметил Коля. – А то, что мы сделали, ещё лучше.

Четвёртый

...Однажды к Синицыным постучали. Мать Николая открыла дверь. В комнату вошел незнакомый человек.

– Монтёр, – представился он. – Нужно проверить электропроводку.

Он начал внимательно и придирчиво осматривать провода. Николай украдкой следил за ним. Ему показалось, что проводка у того – только предлог.

Вечером Николай рассказал о случившемся ребятам.

– А у меня тоже новость, – сообщил Митя. – Приглашали на узел связи. Говорят: ты увлекаешься радиотехникой, помоги отремонтировать аппараты. Но это тоже, думаю, только предлог. Уж что-то навязчиво заводят там разговор о партизанах, о немцах, об их порядках. Хотят вызвать на откровенность...

– Смотри не поддавайся, – заметил Игнатенко.

Приближалась 24-я годовщина Октября. Как отметить праздник? А может быть, выполнить второе задание партизан – оставить немцев без связи с Большеписаревкой? На том и порешили. Договорились сделать это в ночь на 4 ноября.

На следующий день ребят, в числе других граждан Грайворона, согнали в Троицкий сад чистить пушки.

Друзья оказались вместе у одного орудия. К ним приставили ещё одного паренька.

– Здоров, Женя! – обрадованно поздоровался с ним Петя.

– Знакомьтесь, ребята! – сказал он друзьям. – Это Женя Татаркин. Как и мы, он закончил семь классов.

Начали чистить пушку.

Когда близко не было немецкого солдата, Женя проговорил:

– Шашку толу бы под неё, а не чистить... Гады такие...

– Тихо! – Петя дотронулся до руки Жени. – Можно и без того кое-что сделать. – Он подмигнул, показал какую-то металлическую деталь и положил её в карман.

Вслед за ним осторожно начали отвинчивать и прятать в карманы все, что можно, остальные ребята.

Когда орудие было «почищено», ребята накинули на него брезентовый чехол.

– Теперь марш! – крикнул немец и замахнулся на ребят. Они кинулись бежать из сада. Остановились, когда очутились недалеко от дома Коли Синицына.

Зашли все вместе. Женя рассказал о том, что у него есть пистолет, который он взял у одного убитого лейтенанта при отступлении наших солдат.

– Вот и хорошо! – похвалил его Митя Балицкий. – Хочешь быть с нами?

– Конечно!

– Тогда слушай...

Ребята посвятили Женю в свой план.

– До сих пор нас было трое, ты – четвёртый! – подвёл итог Коля Синицын.

Осенней ночью

Поздним вечером 3 ноября ребята отправились к кирпичному заводу. Стояла тёплая осенняя погода. Казалось, лето посылало прощальный привет земле. Далёкими искорками сверкали на небе звёзды. Ребята пробирались друг за другом, зорко оглядываясь по сторонам. Вот показались очертания кирпичного завода.

– Нужно успеть сделать все до восхода луны, – прошептал Женя Татаркин.

– Терять нельзя ни минуты, – согласно кивнул ему Митя. – Сейчас часовой ушёл в ту сторону.

Он указал на еле вырисовывающуюся фигуру часового.

– Мы спрячемся за стеной и, когда он будет проходить мимо, накинемся на него. Стрелять в случае необходимости.

В полнейшей тишине ребята по одному перебрались к стене. Затихли. Вот послышались шаги. Коля вцепился в руку Мити, сжал её крепче.

Как только часовой поравнялся с ребятами и сделал несколько шагов от них, Митя прыгнул ему на плечи. Тот резко повернулся, пытаясь снять винтовку. Но на него набросились остальные ребята. Женя дважды ударил немца по голове рукояткой пистолета. Тот потерял сознание. Ребята быстро связали часовому руки, забили рот его же пилоткой и, прихватив винтовку, начали резать телефонные провода...

Утром в комендатуре Грайворона было получено донесение: «Сегодня ночью неизвестные лица перерезали телефонный кабель, соединяющий Грайворон с Большеписаревкой. Провода вырезаны на протяжении одного километра. Обнаружено четыре пары следов. Часовой найден связанным, в бессознательном состоянии».

Арест

Утром 4 ноября ребята собрались, как всегда, у Коли.

– Ну, один подарочек есть! – удовлетворённо сказал Митя.

– Сегодня нужно сходить к партизанам и спросить, что делать дальше.

– Собираемся в пять часов!

Но собраться в этот день ребятам не пришлось.

Когда Митя Балицкий вернулся домой, во дворе и дома хозяйничали немцы и полицейские. Был здесь и «монтёр», который осматривал проводку. В небольшой нише за географической картой немцы обнаружили телефон, тут же лежала заряженная обойма от пистолета. Митю арестовали.

Шёл обыск и у Николая Синицына, и у Пети Игнатенко.

Их тоже арестовали и повели в комендатуру.

Два дня немцы пытали и мучили ребят. Больше всех, как самому старшему, доставалось Мите. Но на все вопросы он твердо отвечал:

– Ничего не скажу, гады! Нас очень много. Вы арестовали только троих, а таких, как мы, по всей стране миллионы...

На рассвете 7 ноября немцы вывели юных героев во двор. На востоке занималась праздничная заря. Оттуда веял свежий ветерок, он шевелил волосы на раскрытых головах ребят. Быстро светало. Первые лучи солнца окрасили облака на востоке в багряно-красный цвет. Коля и Петя поддерживали сильно избитого Митю.

– Смотрите, – указал он глазами на облака, это цвет нашей победы, он идёт с востока...

Утром 7 ноября грайворонцы увидели на площади трупы трёх пятнадцатилетних подростков. На груди у каждого была повешена дощечка с надписью: «Я партизан».

Видел трупы друзей и Женя Татаркин. Трагическая гибель Коли, Пети и Мити надорвала его силы. Едва добравшись домой, он слёг в постель с высокой температурой. После тяжёлой двухнедельной болезни умер.

Цветы на могиле

Есть в центре маленького городка Грайворона небольшой парк. За ажурной оградой под тенью деревьев стоят памятники героям Гражданской и Великой

Отечественной войн. На одном из памятников выбиты имена и фамилии – Балицкий Митя, Синицын Коля, Игнатенко Петя.

Каждый год по весне приходят сюда школьники. Они склоняют свои знамёна над могилой юных героев, кладут на неё цветы. И, как гимн верности героям, как символ нашей непобедимости, звучат слова любимой ребятами песни:

У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна.

Публикуется по: Герои в красных галстуках. – Воронеж, 1974.
(<http://lib.rus.ec/b/449123/read>)